

37. Ravich V. Azerbaijan: Islamic Party Trial Brings Fresh Scrutiny to Religious Hamlet // Eurasianet. – 2011. – 19.08. – URL: <https://eurasianet.org/azerbaijan-islamic-party-trial-brings-fresh-scrutiny-to-religious-hamlet> (дата обращения: 02.08.2023).
38. Rovshanoglu K. Azerbaijani Shi'is and the Arbaeen pilgrimage // Baku Research Institute. – 2018. – 24.04. – URL: <https://bakuresearchinstitute.org/en/azərbaycanlıların-ərbəin-ziyəratı/> (дата обращения: 16.08.2023).
39. Shaffer B. Iran and Azerbaijani Identity Borders and Brethrens. Иранская и азербайджанская идентичность. Границы и братья. – Cambridge – 2002. – 240 p.

Статья поступила в редакцию 08.09.2023.

Принята к публикации 22.09.2023.

Kirichenko V.P.
Shia Islam in Azerbaijan

Vladimir P. Kirichenko,
Research Associate,
IOS, RAS,
e-mail: black-whit@yandex.ru

***Abstract.** The article analyzes the history and current place of Shia Islam in Azerbaijan, where the majority of the population is Shia. The article provides a historical review of the formation of the main Islamic institution of Azerbaijan, the Caucasian Muslims Board, and discusses Azerbaijan's relations with neighboring Iran, a major Shia power.*

***Keywords:** Azerbaijan; Islam; Shia Islam; Iran; Hajj.*

Добаев И.П.*
ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ПЕРЕКРЕСТЬЕ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ НАПРЯЖЕНИЙ

DOI: 10.31249/rimm/2023.04.03

***Для цитирования:** Добаев И.П. Центральная Азия в перекрестье геополитических напряжений // Россия и мусульманский мир: научно-информационный журнал. 2023. № 4 (330). DOI: 10.31249/rimm/2023.04.03*

* Добаев И.П., доктор философских наук, профессор, эксперт РАН, руководитель Центра региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, e-mail: ipdobaev@sfsedu.ru

© Добаев И.П., 2023.

Аннотация. В статье упор сделан на осмысление современных политических процессов, имеющих место в суверенных государствах Центральной Азии в постсоветский период, с опорой на историческое прошлое этих территорий. Показывается, что нынешние границы центральноазиатских государств были определены большевиками, а при крушении Советского Союза бывшие границы союзных республик стали межгосударственными. Данное обстоятельство породило множество этнополитических и этнотерриториальных конфликтов, как внутри конкретных государств, так и в межгосударственных отношениях. Как представляется, место и роль новых государств региона в современной системе международных отношений пока еще окончательно не определены. В этой связи эксперты рассматривают самые разнообразные сценарии развития геополитической ситуации в регионе на перспективу.

Ключевые слова: Афганистан; геополитика; геополитические процессы; Казахстан; Киргизия; Узбекистан; Таджикистан; Туркмения; Средняя Азия; Центральная Азия.

Центральная Азия представляет собой обширный регион, в который входят пять постсоветских государств: Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан и Туркмения. С точки зрения традиционной геополитики он представляет собой часть «Хартлэнда» – термина, который ввел в научный оборот в начале XX в. англичанин Х. Макиндер. Начиная с середины XIX в. борьбу за контроль над этим регионом вели два мощных соперника того времени – сухопутная Российская империя и морская Великобритания¹. Победу одержала Россия.

История региона богата на события. Здесь проходили гунны, воины Александра Македонского и Чингисхана, в XIV в. сложилось могущественное государство Тимуридов со столицей в Самарканде, однако в XVI в. ему на смену пришло Бухарское ханство. В середине XVI в., разгромив армию Делийских султанов, потомок Чингисхана и Тамерлана – Бабур – на части территорий современной Индии, Пакистана и Афганистана основал империю Великих Моголов. Однако уже к XIX в. политическая карта региона изменилась: на территории Средней Азии и части современного Казахстана находились три монархических государства: Кокандское и

¹ Добаев И.П. Пуштунский фактор в политических процессах Афганистана (к 33-й годовщине вывода советских войск) / Южнороссийское обозрение. Выпуск № 102. Ростов н/Дону: Фонд науки и образования, 2002. С. 5–6.

Хивинское ханства и Бухарский эмират. Кокандское ханство со столицей в Ташкенте включало в свой состав большую часть современного Узбекистана и юго-восточную часть Казахстана; Хивинское (Хива) – нынешнюю Туркмению, часть Узбекистана и юго-западные территории Казахстана, а Бухарский эмират (Бухара) – Таджикистан и часть Узбекистана.

В последней трети XIX в. Средняя Азия вошла в состав Российской империи. Оказавшее ожесточенное сопротивление продвижению войск империи Кокандское ханство было упразднено и непосредственно включено в состав России, а Бухарский эмират и Хивинское ханство стали ее вассалами. Все эти территории были объединены в Туркестанское генерал-губернаторство с центром в Ташкенте, в состав которого входили Закаспийская, Самаркандская, Семиреченская, Сырдарьинская и Ферганская области, а также находившиеся в вассальной зависимости от Российской империи Бухарский эмират и Хивинское ханство. Начались постепенные, но масштабные разноплановые реформы, имевшие целью органичное включение Туркестана в губернскую Россию. Однако эти масштабные планы выполнены не были из-за начавшейся Первой мировой войны, государственных переворотов 1917 г. и последовавшей вслед за этим Гражданской войны.

События в ходе Гражданской войны в Средней Азии развивались динамично и драматично. Советская власть здесь была установлена после октябрьских событий 1917 г., а уже в январе 1918 г. было подавлено контрреволюционное сепаратистское выступление местной мусульманской знати, пытавшейся создать «Кокандскую автономию» на территории Ферганской долины. Однако полностью локализовать это движение не удалось, в результате большевики вскоре столкнулись с широким движением мятежников – басмачеством, идеологической основой которого выступали панисламизм и пантюркизм (казахи, киргизы, узбеки и туркмены – тюркские народы; таджики относятся к иранской ветви индоевропейцев; все они исповедуют ислам, преимущественно суннитского направления)¹.

Если в 1918 г. основным центром сопротивления была Ферганская долина, то в 1919–1920 гг. оно распространилось практически по всей Средней Азии. Возбуждая религиозный фанатизм и

¹ Добаев И.П. Этническое и конфессиональное в исламе: так ли религиозно чист «истинный ислам»? // Россия и мусульманский мир. 2020. № 4 (318). С. 10–23.

выступая под лозунгом «священной войны против неверных», лидеры бандформирований преследовали цель отрыва Туркестана от Советской России и реставрации здесь средневековых феодальных порядков. Главари басмачества располагали относительно широкой пособнической базой, включавшей байство, большую часть торгово-промышленной буржуазии и мусульманского духовенства, имевших значительное влияние на умонастроения основной массы местного населения. Это позволяло сколачивать многочисленные банды, свободно ориентироваться в складывающейся обстановке, а также снабжаться оружием, боеприпасами, продовольствием и лошадьми.

Главные силы басмачей были разбиты Красной Армией еще в начале 1920-х, но они и их западные покровители сумели уйти от окончательного разгрома. В 1924–1925 гг. басмачи при активном содействии Великобритании реорганизовались, получили централизованное управление под руководством Ибрагим-бека, нукера бывшего бухарского эмира. Его активно поддерживали, обучали, снабжали оружием, боеприпасами и снаряжением ряд иностранных разведок, прежде всего Великобритании. После тяжелейших потерь в ходе боевых столкновений с красноармейцами басмачи, как правило, уходили на территорию Афганистана, где в северных провинциях проживали (и проживают. – *И. Д.*) родственные им этнические группы – таджики, узбеки, туркмены и др. Там они восстанавливали силы, пополняли свои отряды людьми и оружием, получая всестороннюю помощь, прежде всего от англичан (в значительно меньшей степени в этих же целях использовалась территория Персии (с 1935 г. – Иран. – *И. Д.*)). Как следствие, во второй половине 1920-х годов советское правительство предприняло жесткое политическое давление на Афганистан. В результате афганский эмир Аманулла-хан резко ограничил помощь басмачам, вынудив часть из них покинуть страну.

Однако в конце 1928 г. в Афганистане при поддержке англичан вспыхнул мятеж, в результате которого власть захватил тесно связанный с английскими спецслужбами авантюрист Бача-и Сакао («сын водоноса»), этнический таджик, с которым якобы лично работал «лучший разведчик всех времен и народов» полковник английской разведки Лоуренс Аравийский. В результате положение басмачей в Афганистане резко улучшилось. В связи с этим дважды (в апреле 1929 и в июне 1930 г.) отряды Красной Армии переходили афганскую границу, громя басмаческие банды и инфраструктуру их поддержки по всему северу Афганистана, вплоть до

отрогов Гиндукуша. Бача-и Сакао был свергнут и убит. Пришедший к власти в Афганистане король Надир-шах после жесткого советского ультиматума разоружил часть басмаческих отрядов, а по базам непримиримого Ибрагим-бека весной 1931 г. нанесла внезапный удар кавалерия туркмен-кочевников, которым хорошо заплачено афганское правительство, по всей видимости, советскими деньгами. К этому времени изменилось и настроение среднеазиатского населения, представители которого стали активно вступать в добровольческие отряды по борьбе с басмачеством, а в массовом сознании бандиты воспринимались уже не как «басмачи» (налетчики), а как «душманы» (враги) и «шайтаны» (бесы). Только после этого басмаческое движение стало сходить на нет. Однако их отдельные вылазки фиксировались вплоть до 1939–1940 гг. Последние басмаческие группы исчезли после того, как в 1942 г. Советский Союз и Великобритания договорились о прекращении подрывной деятельности с территории Ирана и особенно Афганистана, что лишний раз подчеркивает геополитическую обусловленность басмачества на территории советской Средней Азии. Однако в постсоветский период в некоторых среднеазиатских государствах лидеры басмачества в политических целях нередко героизируются, представляются борцами, отстаивавшими интересы своих народов.

В постреволюционный период в СССР было осуществлено национально-территориальное размежевание территории Среднеазиатского региона. В результате этого процесса, который длился с 1925 по 1936 г., в составе Советского Союза были образованы четыре союзные республики: Киргизская ССР, Узбекская ССР, Таджикская ССР и Туркменская ССР. Часть территорий прежних среднеазиатских владений Российской империи при национально-территориальном размежевании были включены в состав образованной Казахской ССР, составив южную часть этой союзной республики. Серьезные приращения Казахстан получил и на севере за счет отчуждения от РСФСР территорий казахских войск. Таким образом, административные границы в советский период нередко изменяли свою конфигурацию, создавая тем самым конфликтный потенциал на перспективу. В тот период времени Центрально-Азиатский регион именовался как «Средняя Азия и Казахстан».

После распада Советского Союза по инициативе первого президента Казахстана Нурсултана Назарбаева с 1992 г. этот регион стал называться Центральной Азией. Бывшие советские республики стали суверенными государствами с теми границами,

которые были определены большевиками. Как уже отмечалось, четыре республики (Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Туркмения) населены преимущественно тюрками, а таджики относятся к иранской ветви индоевропейской семьи народов. Таджики, как персы и пуштуны, являются потомками древних ариев, а таджикский язык можно назвать диалектом персидского (фарси). Общая площадь стран Центральной Азии составляет немногим более 4 млн кв. км, а численность населения – порядка 70 млн человек. Регион являет собой несметную кладовую природных богатств. Здесь огромные залежи нефти (Казахстан), газа (Казахстан и Киргизия), золота, меди, урана, всего более 100 видов минерального сырья. Однако в силу наличия целого ряда конфликтогенных факторов, обусловленных в том числе историческим прошлым, говорить о позитивных или негативных среднесрочных и долгосрочных тенденциях развития (вплоть до 2050 г.) ситуации в регионе приходится с определенной долей осторожности.

В частности, в регионе ожидается ускоренный демографический рост титульных этнических групп, при одновременном сокращении доли русского и русскоязычного населения, падения влияния русской культуры. В результате, по некоторым данным, к 2050 г. при сохранении нынешних тенденций местные элиты уже не будут говорить на русском языке, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Серьезное омоложение коренного населения сопровождается ростом этнического и религиозно-политического экстремизма. Речь идет, прежде всего, о расширении идеологии и практики пантюркизма и радикального исламизма. Преимущественно сырьевой характер экономики стран региона, стагнация промышленного производства, сокращение рабочих мест ведут к демодернизации общественной жизни, мощным миграционным процессам, в первую очередь, в Россию, что чревато появлением и укреплением этнических анклавов в наиболее развитых регионах РФ.

Практически во всех государствах региона сложились авторитарные и неопатримониальные режимы, которые, как известно, весьма нестабильны и неустойчивы. Сохранившаяся традиционная социальная система местных обществ, в основе которой лежат роды, племена и племенные союзы, не в состоянии предопределить модернизацию этих государств. Авторитетный отечественный политолог А.Б. Крылов отмечает, что хотя «в действительности во всех постсоветских государствах присутствуют все обязательные атрибуты западной демократии: парламент, политические партии, общественные, неправительственные и правозащитные организа-

ции, всеобщее избирательное право; продекларирована приверженность принципу разделения властей и т.п., но при этом все это имеет декоративный характер, мало влияет на реальный механизм функционирования власти и на повседневную жизнь общества»¹. Сказанное можно напрямую отнести ко всем постсоветским государствам Центральной Азии.

В связи с произвольно проведенными в советский период границами возникают и развиваются межнациональные и межэтнические конфликты, в том числе и на основе недостатка водных ресурсов и несправедливого, по мнению некоторых экспертов, водораспределения.

В январе 2022 г., в ходе попытки совершения государственного переворота в Казахстане, внешние наблюдатели, может быть, впервые услышали о казахских жузах (старший, средний и младший), входящих в их состав племенах и родах, о главенстве в государстве представителей некоторых родов старшего жуза. Однако следует иметь в виду, что аналогичные традиционные социальные системы существуют и в других центральноазиатских странах, как, впрочем, и в некоторых российских субъектах. Разумеется, эти моменты надо хорошо знать и учитывать в практической деятельности. Как говорил главный герой знаменитого фильма советских времен красноармеец Сухов, «Восток – дело тонкое...».

Следствием отмеченных выше конфликтогенных факторов становится «хрупкость» государств региона, нестабильность их развития, высокие риски безопасности. Все это ведет к центробежным тенденциям, которые усугубляются внешним влиянием. В советский период центральноазиатские республики политически и экономически были изолированы от внешнего мира и внешнего влияния. Они преимущественно были связаны с другими советскими республиками. В постсоветский период главенствующим фактором во внешней политике этих государств стала многовекторность внешнеполитических и внешнеэкономических связей. Политика многовекторности заключается, прежде всего, в том, что пришедшие к власти в новых государствах лидеры и элиты не желают вновь становиться «младшими братьями» не только по отношению к России, но и к другим государствам. Однако такого рода многовекторность, особенно в отношении коллективного Запада, крайне опасна. Многочисленные удавшиеся и неудавшиеся

¹ Крылов А.Б. Государства Южного Кавказа в контексте международной политики. М.: Книжный мир, 2023. С. 29–30.

«цветные» перевороты на постсоветском пространстве, инспирированные западными спецслужбами, со всей очевидностью свидетельствуют об этом¹. Так, попытка государственного переворота в Казахстане выявила, что в течение многих лет Западом, прежде всего США, в этой республике целеустремленно создавалась сеть «либерально ориентированных» НПО и НКО. Их численность составляет от 16 до 20 тыс. Тысячи аналогичных структур орудуют в других центральноазиатских государствах, особенно их много в Киргизии, в результате эта республика стала рекордсменом по «цветным» мероприятиям, там они фиксировались трижды: в 2005, 2010, и 2020 гг. В то же время, в искусственно закрытой от внешнего влияния Туркмении попыток осуществления «цветных» переворотов не было, поскольку там нет западных и прозападных НПО, а власть жестко пресекает все попытки их создания.

Существенными стали позиции Запада и в экономике стран региона. В частности, в Казахстане до 70% активов в нефтяной отрасли оказались в руках западных «партнеров». Поскольку основные нефтяные поля находятся на западе республики, на территории расселения представителей младшего жуза, они попали в серьезную социально-экономическую зависимость от западных нефтяных компаний, располагающих основными активами в этой отрасли. Безусловно, западные компании заинтересованы, прежде всего, в получении прибыли, а не в затратах на социальные проекты. Поэтому большая часть местного населения живет бедно, можно сказать, в нищете, а руководство страны никак не решало эту проблему. Более того, обогащалось. Неудивительно поэтому, что первые протесты с экономическими требованиями начались именно на западе Казахстана, а уже затем, явившись всего лишь детонатором последовавших процессов, получили свое развитие на территории старшего жуза, прежде всего в Алма-Ате, бывшей столице советского Казахстана.

С точки зрения экономических макропоказателей в Центральной Азии лидирующие позиции занимают Казахстан и Туркменистан, где экономика, в силу наличия нефти и газа, носит сырьевой характер. В то же время уровень производительной экономики крайне низок, отсюда и дефицит рабочих мест, высокий уровень безработицы. Здесь фиксируются внушительные показатели годо-

¹ *Добаев И.П.* Сетевые структуры «оранжевых» в ЮФО: угрозы национальной и региональной безопасности России // Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека. СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2008. С. 190–199.

вого ВВП, а также и подушевого ВВП. Однако распределение получаемых доходов носит явно несправедливый характер, в результате чего бедность населения ощущается повсюду. В Киргизии, Узбекистане и Таджикистане углеводородов нет, поэтому в экономическом плане эти государства испытывают трудности. Согласно официальной статистике, наиболее бедным государством региона является Таджикистан, а за ним – Киргизия. Что касается Узбекистана, при нынешнем президенте Шавкате Мирзиёеве, пришедшем к власти в 2016 г., социально-экономическая ситуация в республике явно на подъеме, что позволяет этой стране выходить на лидирующие позиции в Центрально-Азиатском регионе. Вместе с тем следует отметить, что в регионе чрезмерно развита теневая экономика, зачастую связанная с преступностью, прежде всего, нарко-трафиком, преимущественно из Афганистана.

Вышеуказанные конфликтогенные факторы формируют в регионе высокие риски безопасности. В целом, эксперты рассматривают следующие сценарии развития геополитической ситуации в регионе на перспективу:

1. *«Реинтеграция постсоветского пространства»*. Первоначально в постсоветский период ставка делалась на реинтеграцию постсоветского пространства в рамках СНГ, которое оказалось аморфной организацией. Тогда пошел процесс ускоренной двусторонней и многосторонней интеграции. В первую очередь, это касается союзного государства Россия – Белоруссия. Одновременно развивается многостороннее военное и экономическое сотрудничество с другими суверенными государствами. Появилась ОДКБ (Организация договора коллективной безопасности), военнополитическая структура, куда входят Россия, Белоруссия, Армения, Казахстан, Киргизия и Таджикистан. В январе 2022 г. эта организация продемонстрировала свою эффективность, оказав помощь Казахстану, подвергнутому атакам террористов. Функционирует и Евразийский экономический союз, куда входят все указанные члены ОДКБ, кроме Таджикистана. Центральным звеном этих интеграционных проектов выступает Российская Федерация, без которой они были бы невозможны. Кроме того, Россия располагает военными базами, расположенными на территории Киргизии и Таджикистана, что усиливает ее геостратегический потенциал. Однако, несмотря на указанные интеграционные проекты, говорить о воссоздании мини-СССР не приходится, в силу целого ряда причин. Тем не менее влияние России на разноплановые процессы в

Центральной Азии несомненно, и эти позиции следует целенаправленно упрочивать.

2. *Западно-либеральный проект*¹. Этот проект заключается в попытках реализации коллективным Западом контроля над Центрально-Азиатским регионом. Важное значение придается усилению своего геостратегического потенциала, поскольку регион граничит с основными геополитическими конкурентами Запада: Россией, Китаем и Ираном. Отметим, что США после событий 11 сентября 2001 г. уже располагали военными базами в Киргизии и Узбекистане, развивали военное сотрудничество с рядом государств региона, фиксировались их попытки по военному присутствию в Каспийском море и т.д. Однако консолидированный Запад явно стагнирует, а фактическое бегство американских войск из Афганистана резко ослабило их позиции в регионе. В результате государств, желающих сегодня предоставить свою территорию для размещения американских баз, пока не находится.

Другим направлением экспансии Запада в регионе выступают геоэкономические интересы, которые заключаются в контроле над ресурсами, прежде всего, углеводородными. Уже сегодня западные компании располагают серьезными активами в этой сфере. Для того чтобы обеспечить стабильность своего экономического присутствия, обезопасить себя от возможной национализации, Запад заинтересован в слабых, зависимых от него государствах, постоянной сменяемости местных лидеров и элит, для чего инспирируются «цветные» мероприятия.

3. *«Синоцентричный мир»*. Речь идет об усилении геополитического влияния Китая на государства Центральной Азии. В Пекине исходят из того, что ЦАР играет стратегически важную роль в обеспечении национальной безопасности современного Китая. Как и для России, этот регион выступает для него в качестве своего рода глубокого тыла, тем более что Китай имеет общую границу с Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном. Поскольку на северо-западе Китая находится Синьцзян-Уйгурский автономный регион (Восточный Туркестан), где проживают тюрки-мусульмане, КНР никак не заинтересована в реализации в Центральной Азии иницированного Турцией пантюркистского проекта, или западно-либеральной модели, которые подпитывают сепаратистские про-

¹ Добаев И.П., Дугин А.Г. Геополитические трансформации в Кавказско-Каспийском регионе // Центральная Азия и Кавказ (Лулес, Швеция). 2005. 5 (41). С. 90–99.

цессы в Восточном Туркестане. В отличие от других центров силы, Китай реализует свой геополитический проект в регионе через усиление своих геоэкономических позиций, которые приносят свои положительные плоды. Вместе с тем полное достижение поставленных Китаем целей в данном регионе вряд ли возможно в связи с настороженным отношением местного населения и элит к историческому прошлому в их взаимоотношениях. Кроме того, негативное восприятие Китая и процесса «синоизации» подпитывается внутренней политикой КНР в Восточном Туркестане.

4. *«Пантюркистская интеграция»*. Как отмечалось, Казахстан, Киргизия, Узбекистан и Туркмения населены преимущественно тюрками. До развала Советского Союза существовало только одно тюркское государство – Турецкая Республика. В постсоветский период на политической карте мира появилось пять таких стран: четыре в Центральной Азии и Азербайджан. В 90-е годы XX в. в Турции царил атмосфера эйфории относительно возможности реализации пантюркистского проекта по объединению всех тюркских государств, при ведущей роли официальной Анкары. Однако Турция не обладала и не обладает необходимыми ресурсами для реализации столь масштабного проекта, тем более в Центральной Азии, где пантюркистским устремлениям Турции противостоят глобальные игроки – Россия, Китай и коллективный Запад. В связи с этим в последние годы Турция взяла курс на постепенное усиление своего влияния в регионе, сделав ставку на «мягкую силу» (экономика, образование, наука и т.д.), создав в 2021 г. новую структуру – «Организацию тюркских государств». С учетом изложенного, реализация проекта «пантюркистская интеграция» представляется маловероятной, тем более что местные элиты, не горят желанием менять одного «старшего брата» (Москву) на другого (Анкару).

5. *«Исламистская интеграция – халифат»*. Подавляющее большинство населения региона – мусульмане-сунниты. С конца 80-х годов здесь, как и в других населенных мусульманами частях постсоветского пространства, не без влияния извне, наблюдался процесс политизации и радикализации ислама¹. Однако практический опыт реализации идей радикального ислама оказал чрезмерно негативное влияние на местное население. Гражданская война в

¹ Добаев И.П. Идеологические предпосылки террористических атак радикальных исламистов на объекты в США (11.09.2001 г.) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2021. № 1. С. 18–23.

Таджикистане, инспирированный «Исламским движением Узбекистана» (ныне – «Исламское движение Туркестана») неудавшийся государственный переворот в 2005 г. в Узбекистане, участие местных боевиков-исламистов на стороне «Исламского государства» в Ираке и Сирии¹, наконец попытка совершения ими государственного переворота в январе 2022 г. в Казахстане серьезно подорвали позиции исламистов в Центральной Азии. Однако сбрасывать их со счетов в общем раскладе геополитических сил, как представляется, преждевременно.

6. *«Центральноазиатская интеграция»*. Отдельные государства региона никак не являются субъектами региональной, а тем более глобальной, геополитики. Они выступают лишь в качестве объектов этих процессов. Повысить геополитический потенциал могла бы их экономическая и политическая интеграция. Этот процесс, как показывает практика, облегчается в тех регионах, где имеется центральное государство-лидер. В Центральной Азии в настоящее время такого государства нет. Длительный период на эту роль претендовал Казахстан, но после январских событий 2022 г. он утратил шансы на региональное лидерство. Растет потенциал Узбекистана, однако его еще не хватает для достижения лидирующих позиций. Более того, как уже отмечалось, существуют многочисленные конфликты, открытые и латентные, между странами региона. В результате государства Центральной Азии значительно активнее взаимодействуют с внерегиональными акторами, чем друг с другом, а региональные институты и организации оказываются все в большей зависимости от других государств.

Некоторые аналитики не исключают и полного распада государственности в Центральной Азии. Однако вероятность осуществления такого сценария крайне низка. В заключение можно сделать вывод о том, что центральноазиатские государства не являются субъектами региональной геополитики. Здесь на данном этапе доминируют российский, китайский и западный геополитические проекты, а пантюркистский и исламистский являются второстепенными, однако сбрасывать их со счетов не следует.

Статья поступила в редакцию 13.09.2023.

Принята к публикации 27.09.2023.

¹ Добаев И.П. «ДАИШ»: идеология, структура, политическая практика, каналы финансирования // Россия и мусульманский мир. 2017. № 2 (296). С. 128–138.

Dobaev I.P.

Central Asia: the Crossroads of Geopolitical Tensions

Igor P. Dobaev,

DSc(Philosophy), Professor,
Expert of Russian Academy of Sciences,
Director of Center of Regional Studies,
Institute of Sociology and Religion,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: ipdobaev@sfedu.ru

***Abstract.** The article focuses on the political developments that have been taking place in the states of Central Asia in the post-Soviet period; the emphasis is made on the historical past of these territories. As the research shows, the current borders of the Central Asian states were determined by the Bolsheviks, and following the collapse of the Soviet Union, the borders between former republics became the interstate borders. This has given rise to many ethnic, political and territorial conflicts that posed challenges for both domestic and foreign policies. It appears that the place and role of the new states of the region have not yet been determined in the modern system of international relations. In this regard, experts are considering a wide variety of scenarios for the future development of the geopolitical situation in the region.*

***Keywords:** Afghanistan; geopolitics; geopolitical processes; Kazakhstan; Kyrgyzstan; Uzbekistan; Tajikistan; Turkmenistan; Middle Asia; Central Asia.*